Дьявольский Цинь

Lost soul

Lost Soul
Дьявольский Цинь

https://litres.ru/73919901
SelfPub; 2026

Аннотация

Издревле гуцинь считался божественным инструментом, а игра на нём – высшим благословением, способным исцелить душу. Но что если благословение становится проклятием, а инструмент обращается против своего же хозяина?

«Дьявольский Цинь» – мрачная притча о цене божественного дара, где талант, вышедший из-под контроля, может превратиться в орудие гибели, а попытка обрести божественное могущество – путь в бездну.

Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Дьявольский Цинь

Глава 1

Снег шёл третьи сутки. Он засыпал горный хребет, хоронил под собою сосны, стирал тропы и перевалы. Птицы умолкли. Звери попрятались. Ветер затаился в ущельях, лишь изредка вздыхая колючей позёмкой.

Мужчина в чёрном шёл сквозь снег. Он был высок и строен. Длинные светлые волосы — цвета зимней луны — струились по плечам, перехваченные простым серебряным кольцом. Чёрные одежды переливались серебристо-белой вышивкой снежных узоров — снежинок и ледяных кристаллов, острых как иглы. За спиной — пустой футляр. Лицо молодое, но с глазами, которые видели слишком много боли. Боли, которая навсегда заморозила его сердце.

Его звали Сюэцзянь[1]. Это имя он взял себе сам. Когда-то наставник, учивший его музыке, усмехнулся: «Снежный меч? Разве бывает оружие из снега? Оно растает, не успев поразить».

Он шёл уже много дней без цели. Третий инструмент за год рассыпался под его пальцами — дека пошла трещинами, струны лопнули, будто не выдержав холода, исходившего от рук. Мастер из Ханьчжуна кричал, обвинял в порче. Сюэцзянь заплатил и ушёл. Он не спорил. Он давно понял: его

ледяная Ци не выдерживается ни одним деревом, ни одним лаком. Теперь у него не было инструмента. Теперь он шёл куда глаза глядят, и снег заметал его следы.

К исходу третьего дня он вышел к перекрёстку. Такие места всегда пользовались дурной славой. Перекрёстки четырёх дорог, где встречаются ветра, где хоронят самоубийц, где странники чувствуют неладное и ускоряют шаг. Но этот перекрёсток был не просто глухим — он был забытым. Четыре дороги расходились в разные стороны и упирались в кустарник, в осыпи, в мёртвые скалы. Ни одного следа на снегу. Сюда давно никто не ходил.

И всё же он остановился. Воздух здесь был другим — плотным, густым. Тишина давила на плечи. А у дальнего края перекрёстка, между двумя искорёженными соснами, стоял туман. Он не стелился по земле, как обычная дымка, и не поднимался к небу. Он стоял стеной — тёмный, почти чёрный. И он не двигался. Сюэцзянь смотрел на него и чувствовал, как что-то внутри отзывается. Не страх. Не любопытство. Уверенность. Спокойная, как дыхание спящего зверя.

Он шагнул в туман. Тьма сомкнулась, но не душила. Под ногами оказалась твёрдая земля. Он сделал десять шагов, пятнадцать — и вышел на открытое место. Посреди перекрёстка стояла лавка. Она возникла из ниоткуда. Крыша — чёрная черепица, поросшая мхом. Стены — тёмное дерево, потемневшее от времени. Вывески не было. Над дверью ви-

села единственная кисть — белая, с алым кончиком. В окнах горел жёлтый свет. Масляная лампа или свеча. Сюэцзянь подошёл. Дверь отворилась с лёгкостью, стоило ему коснулся её. Внутри пахло старым лаком, пылью и чем-то сладким, приторным. Единственное окно затянуто промасленной бумагой. Вдоль стен, на полках, лежали гуцини. Два десятка. Светлые и тёмные. С узорами и гладкие как лёд. У дальней стены — лестница наверх, задёрнутая плотной занавесью.

За прилавком стоял человек.

Его лица не было видно — капюшон уходил в глубокую тень, скрывая все очертания. Он не поднял головы, когда гость вошёл. Не поприветствовал. Не спросил, что нужно. Он просто стоял, будто ждал своего посетителя. И теперь этот посетитель пришёл.

Юноша оглядел полки. Его взгляд скользил по лакированным корпусам, изысканным узорам, перламутровым инкрустациям. Все эти цини были прекрасны. Но для него они были пустые, мёртвые.

И вдруг он увидел его.

В дальнем углу, в тени, почти невидимый, лежал цинь. Чёрный. Без изысков. Ни резьбы, ни узоров, ни перламутровых инкрустаций. Просто чёрное лакированное дерево.

— Этот, — сказал Сюэцзянь, не оборачиваясь.

Человек в капюшоне наконец поднял голову.

— Ты уверен?

— Да.

Тишина. Долгая. Потом — шорох одежды. Человек в капюшоне подошёл ближе и встал за его спиной.

— Почему именно этот?

Сюэцзянь не ответил сразу. Он смотрел на чёрный гуцинь, и в его груди, в том ледяном озере, что заменяло ему сердце, что-то всколыхнулось. Тёмное. Живое. Голодное.

— Он звучит, — сказал Сюэцзянь наконец. — Для меня. Все остальные — молчат.

Человек в капюшоне издал тихий звук, похожий на смех.

— Звучит... — повторил он. — Хорошо. Забирай.

— Сколько?

— Нисколько.

— Ты не хочешь платы? — уточнил Сюэцзянь.

— Я не сказал «не хочу». Я сказал «нисколько». Серебро мне ни к чему.

— Тогда что?

Человек в капюшоне поднял руку. Движение было плавным, лишённым суставов, будто под рукавом не было костей. Длинный бледный палец указал на грудь юноши.

— Играй на нём, когда сердце твоё будет спокойно, — произнёс человек. — Это всё.

Сюэцзянь смотрел на него. Ждал подвоха. Двойного дна. Но загадочный торговец больше ничего не добавил. Он просто стоял и, казалось, смотрел из тени прямо в душу гостя.

Инструмент оказался легче, чем выглядел. Дерево было сухим, старым, но удивительно тёплым на ощупь — будто

внутри него слабо тлел уголёк. Сюэцзянь провёл ладонью по корпусу. Ни трещины. Ни царапины. Что-то здесь было неправильно.

Он уложил цинь в футляр, закинул за спину и пошёл к двери.

У порога остановился.

— У этой лавки нет вывески. У неё есть хозяин?

Человек в капюшоне не шевельнулся.

— Хозяин есть у всего.

Сюэцзянь вышел из лавки. Дверь беззвучно закрылась. Он сделал несколько шагов в тёмном тумане, затем обернулся.

Но лавки уже не было.

Только пустой перекрёсток, засыпанный снегом.

Примечания:

[1] ## (xüe jìan) – «Снежный меч».

Глава 2

Он не прикасался к струнам три дня. Чёрный гуцинь лежал в углу хижины, и Сюэцзянь проходил мимо, не глядя. Он готовил еду, точил нож, латал одежду. Всё это он делал молча, размеренно, как человек, привыкший к одиночеству. Но каждую ночь он просыпался от того, что тишина в хижине становилась слишком глубокой — звенящей, как натянутая струна.

На четвёртый день он понял, что больше не может. Пальцы зудели. Ледяная Ци, копившаяся в груди без выхода, сгущалась и тяжелела. Он был музыкантом. Не просто ремесленником. Музыка была его дыханием, и отказ от неё ощущался как медленное удушье. Он взял футляр и ушёл в горы до рассвета. Шёл долго, пока не нашёл глухой распадок, заваленный валунами. Ни зверя, ни птицы. Только камень, снег и серое небо. Он сел на плоский валун и достал цинь. Положил на колени. Струны блестели в тусклом утреннем свете. Обычные шёлковые струны, ничего особенного. Но когда он поднёс к ним пальцы, ему показалось, что воздух вокруг стал плотнее, словно само пространство затаило дыхание.

Он закрыл глаза и заиграл.

Первая нота вышла тихой. Почти робкой. Но цинь ответил так, как ни один инструмент прежде. Дерево завибрировало, принимая его ледяную энергию без сопротивления. Не

треснуло, не застонало. Впитало и вернуло обратно — усиленной, очищенной. Вторая нота была глубже. Сюэцзянь выдохнул и перестал контролировать пальцы. Они двигались сами. Мелодия полилась, будто он знал её всегда — только не мог сыграть, потому что не было достойного голоса. Теперь голос был. Ледяная Ци текла из кончиков пальцев свободно, без преград, без боли. Он ощущал, как вибрирует дека, как резонирует дерево, как струны поют в унисон с его внутренним холодом. Впервые за много лет он слышал не просто звук — он слышал себя. Того себя, который прятался подо льдом.

Играл он долго. Когда пальцы наконец замерли, он открыл глаза. Ничего не случилось. Скалы стояли так же. Снег лежал так же. Цинь в его руках был цел — ни трещины, ни царапины. Он провёл ладонью по корпусу. Дерево было тёплым. Сюэцзянь выдохнул. Осторожно убрал инструмент в футляр и вернулся в хижину. На душе было спокойно — впервые за много месяцев.

Утром у порога он нашёл лису. Она лежала на боку. Бока вздымались часто, неровно. Шерсть на морде пошла инеем. Глаза остекленели, но зверь ещё дышал — прерывисто, со свистом. Сюэцзянь присел рядом. Лиса не шевельнулась. Она смотрела мимо него, куда-то в серое небо, и во взгляде её не было ни страха, ни боли — только странная, сонная отстранённость. До вечера она умерла. Сюэцзянь похоронил её под старой сосной. Земля промёрзла, подавалась тяжело. Он

работал ножом, потом просто руками. Засыпал яму, утоптал снег и вернулся в дом. Он не думал о лисе. Зимой звери умирают часто. Может быть, она была больна. Может быть, ранена. Может быть, просто стара и пришла к человеческому жилью в поисках тепла.

Он сел к очагу и долго смотрел в огонь. Что-то внутри него изменилось — он чувствовал это, но не мог назвать. Звуки мира стали чуть громче, чуть резче. Потрескивание поленьев отдавалось в висках. Шорох снега, сползающего с крыши, казался странно близким. Но он списал это на возбуждение после игры. На отвыкшие от музыки уши. На долгое молчание.

На следующее утро он снова ушёл в горы. Снова сел на тот же валун. Снова достал цинь. Ему хотелось играть. Хотелось так, как не хотелось уже много лет. Словно внутри открылась дверь, которую он держал запертой, и теперь воздух свободы опьянял. Он играл дольше, чем в первый раз. Мелодия была сложнее. Пальцы двигались увереннее. Он позволил себе закрыть глаза и уйти в музыку целиком — и это было прекрасно.

Когда он вернулся в хижину, голова гудела. Он лёг рано и спал без снов.

На утро у входа в хижину он нашёл мёртвого ворона. Птица лежала на снегу, будто упала с неба. Ни крови, ни раны. Перья целы. Клюв приоткрыт. Ворон был холодным — но холоднее, чем должен быть замёрзший труп. Сюэцзянь пере-

вернул его носком сапога. Птица была лёгкой, пустой, будто из неё вынули всё нутро и заменили льдом. Он долго стоял над ней. Ворон и лиса. Зимой такое бывает. Звери умирают. Птицы замерзают в полёте. Ничего необычного.

Но вечером он заметил, что хижина стала громче. Огонь трещал так, будто падали камни. Ветер выл за стеной, и вой этот резал уши. Сюэцзянь несколько раз просыпался ночью от того, что ему казалось — кто-то ходит вокруг дома. Он выходил с ножом, но никого не было. Только снег, тишина и звёзды. Он подумал: нужно играть меньше. Или делать перерывы. Организм отвык от музыки, и теперь каждый звук кажется громче, чем есть.

Он уменьшил время игры. Но не перестал.

Просто не мог.

Глава 3

Городок назывался Ланьгоу — Замерзший Овраг. Десятка три дворов лепились к склону перевала, засыпанные снегом по самые крыши. Храм предков с облупившейся краской, чайная с покосившейся вывеской, постоялый двор, куда редко заглядывали купцы. Все знали всех. Любой чужак, задержавшийся дольше чем на полдня, становился событием.

Сюэцзянь появился на окраине к вечеру. Он прошёл через главную улицу, не глядя по сторонам, и скрылся в дверях постоялого двора. Этого хватило. К утру о нём говорил весь Ланьгоу. Жена торговца рисом клялась, что видела, как снежинки на его одежде двигались сами, будто живые. Сын кузнеца утверждал, что волосы его отражают свет луны. Старый Ли, что держал чайную, только качал головой и говорил: «Я слышал, как он дышит, когда проходил мимо. Это дыхание льда». Ему не верили, но слушали с жадностью. К полудню слух о загадочном незнакомце достиг начальника стражи. Его звали Лю Гуань. Человек средних лет, грузный, с красным лицом и громким голосом. Он был не зол, не жесток — просто недалёк. Любил чинопочитание, любил, когда перед ним кланяются, и превыше всего любил выглядеть значительным покровителем искусств. Дважды в год он устраивал приёмы в Павильоне Сливы — единственном приличном здании городка, открытой постройке на возвышении,

увитой плющом. Приглашал музыкантов, поэтов, заклинателей. Те приезжали охотно: платил он скудно, но кормил обильно, да и отказывать начальнику стражи в глухой провинции никто не хотел.

Лю Гуань самолично явился на постоялый двор. — Господин! — ещё с порога загудел он. — Мне донесли, что в нашем скромном городке остановился человек с инструментом. Это большая честь. Я, видите ли, покровитель музыки. У меня в Павильоне Сливы завтра вечером соберутся лучшие люди округа. Окажите честь. Сыграйте для нас.

Сюэцзянь стоял у окна, спиной к гостю. Он смотрел на снег, засыпающий улицу.

— Я не играю для публики, — ответил он не оборачиваясь.

— Понимаю, понимаю. Истинный мастер скромен. Но прошу вас. Всего одна пьеса. Вы не пожалеете.

Сюэцзянь молчал. Слух его теперь различал каждый звук в доме: как возится хозяйка внизу, как скребут мыши под полом, как сердце начальника стражи колотится часто и немного сбивчиво — от волнения или выпитого с утра вина.

Он мог отказаться. Должен был отказаться. Но чёрный гуцинь лежал в футляре за спиной. И внутри Сюэцзяня снова поднималась та волна — желание быть услышанным. Желание, чтобы кто-то ещё узнал, как звучит его музыка.

— Одна пьеса, — сказал он.

Лю Гуань просиял.

— Великолепно! Завтра, на закате. Павильон Сливы. Я пришлю слугу, вас проводят.

Он поклонился и вышел.

Сюэцзянь остался у окна. Снег шёл не переставая. Ему казалось, что он слышит падение каждой снежинки.

На закате следующего дня он поднялся к Павильону Сливы. Постройка стояла на возвышении над городком. Резные столбы, замёрзший плющ, бумажные фонари. Внутри горели жаровни. Гости уже собрались — два десятка человек. Местный чиновник с женой, купец из соседнего уезда, заклинатель низшего ранга по имени Цао, несколько женщин в дорогих, хоть и старомодных одеждах. Вино лилось, голоса звучали громко и возбуждённо. Все уже слышали о загадочном музыканте. Все смотрели на дверь. Когда Сюэцзянь вошёл, голоса стихли на миг, потом загудели снова, обсуждая незнакомца.

Он прошёл сквозь шёпот и сел в стороне, у дальнего столба. От пищи отказался. От вина тоже. Сидел неподвижно. Наконец Лю Гуань поднялся и провозгласил: «Дорогие гости! Сегодня нам выпала редкая удача. Мастер Сюэцзянь согласился сыграть для нас. Прошу!»

Сюэцзянь встал. Прошёл в центр павильона. Сел на подушку. Достал чёрный цинь. Положил на колени. Гул голосов стал тише, но не пропал. Он чувствовал на себе взгляды — любопытные, настороженные, оценивающие.

— Как называется пьеса? — спросила одна из женщин.

Он не ответил. Он не знал названия. Он вообще не знал, что играет. Он просто положил пальцы на струны и закрыл глаза. В павильоне стало тихо.

Первая нота разрезала гул.

Сюэцзянь заиграл. Мелодия была ледяной и прозрачной. Она не гремела, не сотрясала воздух — она лилась тихо, но почему-то казалось, что она заглушает всё: треск жаровен, дыхание гостей, стук сердец. Она растекалась по павильону, заполняла углы, просачивалась под крышу. Холодная. Совершенная. Нечеловечески прекрасная. Сюэцзянь играл и чувствовал, как внутри него что-то поднимается. Тёмное. Огромное. Из самой глубины ледяного озера. Оно требовало выхода, и он давал ему выход — через пальцы, через струны, через чёрное дерево, которое вибрировало, как живое. Он не знал, сколько длилась музыка. Время потеряло значение.

Когда последняя нота стихла, он открыл глаза. В павильоне стояла тишина. Глубокая, неестественная. Гости сидели неподвижно. Один из купцов смотрел в пустоту и плакал беззвучно, не моргая. Женщина в богатом ханьфу медленно сползла на циновку и легла, свернувшись, как ребёнок. Её глаза закатились. Начальник стражи вцепился в подлокотники и что-то шептал — молитву или проклятие — было не разобрать. Из угла его рта текла кровь. Заклинатель Цао рухнул лицом вперёд. Его тело ударилось о край жаровни, угли рассыпались по циновке с шипением, и никто не бросился тушить — никто не мог пошевелиться.

— Хватит... — прохрипел кто-то. — Хватит...

Сюэцзянь оглядел павильон. Два десятка человек. Одни застыли, будто парализованные. Других била дрожь. Молодая служанка у двери сидела на корточках, обхватив голову руками, и выла. Тихо, на одной ноте.

Сюэцзянь встал.

Убрал цинь в футляр. Развернулся и вышел из павильона.

За спиной кричали. Плакали. Звали лекаря.

Он не обернулся.

Он спустился с холма, миновал спящий городок и углубился в лес. Шёл долго, пока не перестал слышать за спиной крики. Потом развёл костёр и сел. Чёрный цинь лежал рядом. Молчал. Сюэцзянь смотрел в огонь и думал.

Лиса. Ворон. Теперь люди. Связь была — он понимал это уже сейчас, но понимал не умом, а где-то в той ледяной глубине, куда он запрещал себе спускаться. Понимал и отказывался понимать.

Его музыка была прекрасна. Он знал это.

Прекрасна и убивала.

Он больше не мог прятаться от этого знания. Его музыка убивала. Или сводила с ума. Или забирала то, что делает человека человеком. Он не знал, как это работает. Не знал, виноват ли инструмент — или он сам. Но разница была невелика. Он поднял глаза на чёрное дерево, блестевшее в свете костра.

— Что ты такое? — спросил он шёпотом.

Цинь молчал.

Сюэцзянь отвёл взгляд.

Он не знал, что делать дальше. Вернуть инструмент? Но лавки больше нет. Уничтожить его? Он не был уверен, что сумеет. Перестать играть? Он не был уверен, что сможет. Он просто сидел и смотрел в огонь до рассвета. А когда рассвело, поднялся и пошёл дальше в горы. Снег падал, заметая его следы.

Глава 4

Он ушёл в горы той же ночью.

Ланьгоу остался внизу, засыпанный снегом и страхом. Сюэцзянь не знал, сколько человек умерло в Павильоне Сливы. Не спрашивал. Не возвращался. Просто шёл — на восток, потом на север, петляя между скал, выбирая тропы, по которым не ходили даже горные козы.

На третьи сутки он нашёл хижину.

Она стояла в распадке, стиснутая двумя гранитными уступами, полузасыпанная снегом. Старая, но ещё крепкая. Крыша из корья прохудилась в одном месте, дверь висела косо, очаг зарос золой. Здесь давно никто не жил. Может быть, охотник зимовал когда-то. Может быть, отшельник. Теперь — никого.

Сюэцзянь вошёл. Положил футляр с чёрным цинем в угол. Развёл огонь. Сел и долго смотрел, как пламя лижет старые камни.

Он решил остаться.

Наутро осмотрел жилище при свете. Поправил дверь. Залатал крышу корьём и ветками. Выскреб золу из очага. Пристроил сбоку навес для дров. Через неделю хижина стала почти обжитой — насколько может быть обжитой нора зверя, который не ждёт гостей.

Он жил один.

Никто не приходил. Никто не искал его. Слухи о трагедии в Павильоне Сливы, должно быть, разошлись по округе, но дальше этих глухие гор ещё не добрались.

Дни текли размеренно. Он вставал на рассвете. Разводил огонь. Пил горячую воду. Потом уходил в лес — проверял силки, собирал замёрзшие ягоды, иногда находил целебные коренья. Возвращался к закату. Ел. Сидел у очага и резал фигурки из дерева.

Это занятие пришло само. Сначала он просто строгал ветки ножом — чтобы занять руки. Потом вырезал первую птицу. Потом вторую. Потом лису — маленькую, с острыми ушами. Потом рыбу. Пальцы, привыкшие к струнам, нашли новое дело. Движения были точными, экономными, почти бездумными. Он не вкладывал в резьбу ни магии, ни Ци — только терпение.

Раз в две-три недели он спускался вниз.

В предгорьях было несколько деревушек — маленьких, в пять-шесть дворов. Он приходил на рассвете, молча выкладывал фигурки у дверей чайных или на лотки, где торговали овощами. Оставлял. Уходил. Через несколько дней возвращался и забирал то, что ему оставляли в обмен: горсть риса, сушёную рыбу, моток ниток, соль. Иногда — ничего. Но чаще оставляли. Фигурки были искусными, и местные уже знали: где-то в горах живёт резчик. Чужак. Странный. Но безобидный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.